

обнаруживают непонимание и фашизма и Русской действительности и задач будущего. Как раз «гениальные и любимые», это то первое, что в Русской жизни надлежит уничтожить, потому что вся стихия ГПУ, захлестнувшая Русскую жизнь, именно на этих непогрешимых вождях и держится. Продолжать эту линию значит продолжать то, что есть, а если какой нибудь очередной вождь пристегнет к себе еще и национализм с монархизмом, то это будет такой компрометацией этих понятий, от которой они вряд ли когда нибудь оправятся. Постараемся — без этого!

Н. Былов.

Фашизм. Монархия. Социализм.

Настоящая статья является почти точным воспроизведением доклада, долженствующего быть вступлением в целую серию докладов, посвященных социальной проблеме нашей эпохи. Отсюда некая «энциклопедичность» и недостаточность аргументации. Надо было, прежде всего, указать на несколько основных положений — «невралгических узлов» — которые должны быть развиты в последствии.

I. МАРКСИЗМ И СОЦИАЛИЗМ НЕ СИНОНИМЫ

Как, однако, трудно усвоить эту истину большинству Русских людей за рубежом. Сколько раз приходится слышать такие возражения: пусть даже это так — теоретически; но практически, между социализмом и марксизмом нет никакой разницы; и совершенно незачем, для реального политика, заниматься этими диалектическими тонкостями. Такое нежелание разобраться в самых важных процессах нашего времени обрекает на полное непонимание происходящего у нас перед глазами. Социализм, в той или иной форме, в той или иной степени, буквально, завоевывает мир; в то время как марксизм — явно на ущербе; и прежде всего, и больше всего, на ущербе у нас на Родине.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы кратко охарактеризовать, что такое марксизм и что такое социализм.

Марксизм есть единая доктрина, претендующая охватить все стороны человеческого существования — от биологии до религии. Поэтому, марксизм догматичен; он не способен к эволюции. Ленин, в сущности, был первым могильщиком марксизма; победа марксизма в России была первым его поражением.

Вот характерные черты доктрины Карла Маркса:

А. В области философской: материализм.

Материализм заключается в отрицании самостоятельности духовного начала. Логическим выводом отсюда является исторический

материализм, рассматривающий историю, как результат экономических (производительных) процессов. Признается только односторонняя причинность. Экономика всегда причина, все прочее — результат, «надстройка». Так что, например, надо бы допустить, что не изобретения человеческого гения привели к машинизации промышленности, а машинизация промышленности привела к изобретениям человеческого гения.

Характерной чертой является также полное отрицание роли личности в истории. В этом отношении биографии вожаков-марксистов живое опровержение их-же теорий.

Материализм, получивший широкое распространение во второй половине прошлого века, теперь стал достоянием улицы, но давно потерял патент на «научность». А для интеллектуальной и артистической элиты человечества материализм никогда не был «откровением». Материализм стар как мир, и особое его «цветение» есть признак упадка; заката одной эпохи и зарождения (или «возрождения») другой.

Б. В области социально-политической: «увриеризм», классовая борьба и интернационализм.

«Увриеризм» (ouvriérisme) есть мистическое преклонение перед физическими рабочими — классом-мессией, заключающем в себе все добродетели и — никаких недостатков.

Классовая борьба вытекает из мессианской роли пролетариата и из злоупотребления гегелевской диалектикой. Классу-мессии противостоит класс-паразит, добродетельному пролетариату — злодейская буржуазия. Но, так как пролетариат численно все растет, а буржуазия сокращается, власть неминуемо перейдет к пролетариату, который осуществит тогда бесклассовое (и безгосударственное) общество.

Надо отметить, что Маркс понимал пролетариат в очень узком смысле: пролетариат — физические рабочие. Т. е. приблизительно так, как понимали у нас в 1917 году: «мозолистые руки», отсутствие воротничка и кепка. Инженер, доктор, ученый, артист — все они во времена Маркса относились к буржуазии.

Интернационализм: «Пролетарий не имеет отечества». Кажется эта фраза Маркса в комментариях не нуждается. Ясно.

В. В области экономической: категорическое отрицание частной собственности, упразднение денег и равенство потребления.

«Каждый получает по потребностям, а дает по способностям» — ну, словом, рай земной.

II. В РОССИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СТРОИТСЯ СОЦИАЛИЗМ

Социализм (в противовес марксизму) не является доктриной, как не является и законченной, раз навсегда данной, системой. Социализм есть определенное умонастроение, некая общественная эмоция, жажда социальной справедливости. Конечно, такое определение недостаточно. Обратимся к авторам и фактам (к формулам).

Прежде всего отметим, что социализм не касается, ни политической, ни религиозной, ни философской областей. Социализм касает-

ся, исключительно, социально-экономической области. Он противопоставит, как антипод, социально-экономическому ИНДИВИДУАЛИЗМУ.

А. По контрасту с индивидуализмом, признающим реальность только индивидуума, и имеющим целью служение индивидууму, т. е. личности — через личность, социализм можно определить, как служение личности через общество. Таким образом — объектом, конечной целью социализма является личность; этим социализм резко отличается от всяких коллективизмов, конечной целью которых является коллектив, а не личность.

Б. По контрасту с марксизмом социализм определяется яркой и блестящей формулой отца социализма, графа Сен-Симона: «от каждого — по способностям, каждой способности по заслугам».

На этом моменте следует остановиться. Марксизм говорит: каждому по потребностям... Это утопия чистой воды. Поэтому, понятно, почему марксизм влечет за собой столько крови. Чем больше упорствовать в осуществлении неосуществимого, тем больше требуется жестокости и насилия и тем вернее, через какой-то срок, наступит реакция.

Социализм говорит: от каждого по способностям, каждой способности по заслугам. Это вполне земной идеал. Более того — это просто формулированная социальная справедливость.

В. Наконец, практически, для нашей эпохи социализм знаменует этатизацию крупного капитала, и только крупного капитала. Этим еще не устраняется ни личная инициатива, ни частная собственность (кроме как на крупный капитал), ни право накопления.

Этатизация крупного капитала может принимать различные формы, может идти различными темпами. Но сам факт постепенной этатизации крупного капитала во всех передовых индустриальных странах, едва-ли, сегодня подлежит сомнению. Сам капитализм, силою внутренней логики вещей, и независимо ни от каких доктрин, медленно эволюционирует к социализму.

В этом смысле Россия идет впереди мирового процесса. Там перегнули палку; и теперь постепенно отпускают концы. Марксистские утопии выбрасываются в «помойку истории». Но и возврат к капитализму едва-ли возможен. Хоть и путем невероятных жертв и после ненужных, кровавых экспериментов — все же в России, действительно, готовится база для социализма.

III. ДЛЯ РОССИИ ФАШИЗМ БЫЛ-БЫ РЕАКЦИЕЙ

А. Политически, фашизм не может быть идеалом.

Фашизм является переходным режимом, в сущности, впервые примененным Лениным и характеризуемым следующими признаками:

- 1) одно-партийная диктатура —
- 2) непогрешимость вождя —
- 3) тоталитарное государство, т. е. духовный гнет государства над личностью.

Б. Экономически — фашизм является промежуточной системой между капитализмом и социализмом. Фашизм ближе к капитализму,

чем к социализму, и не дает окончательного решения социального вопроса.

Политически Россия сейчас эволюционирует, хотя и очень медленно, от фашизма — самого жесткого и жестокого — к демократии. Происходящая параллельно национализация режима вовсе не означает фашизм. Национализм гораздо старше фашизма. В каком-то смысле национализм вечен.

Экономически, советский режим далеко ушел вперед от фашизма. И для России фашизация экономическая обозначала бы возврат к капитализму.

IV. ОТ ДУХОВНОГО ГНЕТА К ПОДЛИННОМУ ГУМАНИЗМУ

Социальная проблема не только — проблема хлеба насущного, но также проблема человеческого достоинства — для масс, для всех.

Не может, и не должен, человек ради материальных благ отказываться от своего основного, неотъемлемого права — права, без которого нет личности — права свободно мыслить и свободно искать истину.

Без свободы в познании добра и зла, свободного служения добру — нет религии, нет морали, нет духовной личности, а есть стадо, «роботы», метрополис механизированных рабов — все что угодно, только не человеческое общество. Без гуманизма нет и не может быть социального идеала, нет и не может быть подлинного социального служения. Ибо нет духовной жизни без духовной свободы и нет духовной свободы и духовного творчества без права свободно мыслить и свободно чувствовать.

Не может быть государственного и общественного процветания без принципиального права на разномыслие.

«Тоталитарное государство» принципиально не допускает разномыслия. И не случайно все тоталитарные режимы прежде всего упираются в противодействие Церкви. Признав какие-то права церкви в обществе, Муссолини уже пошел на принципиальный компромисс. Гитлер пока упорствует. И прав. По своему. Потому что по тоталитаристической доктрине все сто процентов человеческих мозгов, сердец и нервов должны принадлежать государству, то-есть — на практике — правящей идеологии. Условием такого тоталитаризма и является одно-партийная диктатура. В этом смысле одно-партийные диктатуры бесконечно хуже диктатур военных и не могут даже сравниться с абсолютистскими монархиями. У этих последних все же были могущественные сдержки: 1) религия и 2) культурные и правовые традиции. Ничего подобного нет в современных однопартийных диктатурах. И об этом надлежит помнить прежде всего на исходе Русского тоталитаристического опыта.

V. НЕ ФАШИЗМ, А ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ!

Девятнадцатый век был век анализа. Двадцатый век — век синтеза. Для России подлинным синтезом, способным сохранить лучшие завоевания революции и, в то-же время, устранить ее эксцессы,

является сочетание **Монархии с Демократией**. Это и выражено в основном младоросском лозунге: «**Царь и Советы**».

Ведь «**советы**» — это демократия. Демократия реальная — как подчеркивали младороссы, то-есть демократия без обмана.

Фашизм (и всякий вождизм) противен и монархии, и демократии.

Демократия — это та социальная сила, которая питается всеобщим образованием, то-есть которая неизбежна на определенной ступени человеческого развития. **Нет социальности без демократии.** Демократия есть политическое выражение социальности, — как социализм есть ее экономическое выражение.

«**Кризис демократии**» есть кризис одной формы демократии: парламентаризма и капитализма.

В сущности, кризис переживает либерализм. Либерализм экономический — капитализм; либерализм политический — парламентаризм.

На смену либеральному миру, либеральной эпохе — идет другой мир, другая эпоха: **социальная**. И этот мир, эта эпоха тоже имеет свое политическое и экономическое лицо, еще резко не очерченное, но уже вырисовывающееся. В экономической сфере — мы знаем — это: социализм. В политической: **ИЕРАРХИЧЕСКАЯ демократия**. Иерархическая демократия не ограничивается одним парламентом, а ступенями вырастает из подлинной толщи народа, от низших, общинных самоуправлений, через городские и областные, до центральных государственных учреждений. И лучше всего увенчивается иерархическая демократия — короной. Принцип иерархии сочетает, казалось, несочетаемое: подлинную демократию — с подлинной аристократией.

Если диктатура и вождизм не совместимы с монархией, то демократия вполне совместима, — этому нас учит история и действительность — стоит только открыть глаза.

Лев Закутин.